

Виктор Ополев
**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СИМВОЛИЧЕСКОГО И ЗНАКОВОГО
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА**

Подобно тому, как человечество в своё время овладевало водным и воздушным пространствами Земли, в последние два столетия в особенности оно настойчиво стремится подчинить себе стихию языка, сделать её управляемой и послушной, служащей реализации конкретных человеческих целей. Однако, несмотря на то, что язык, как всё более и более выясняется, по-прежнему скорее владеет нами, чем мы им, эта увлекательная авантюра не прошла бесследно. Не достигнув результата, имеющего глобальное значение, и потеряв в известной мере даже надежду на это, человечество добилося целого ряда блестящих локальных побед, отвоевав у этой чрезвычайно мощной «природной» силы небольшую территорию, благодаря чему, в частности, стали возможны чудеса современной компьютеризации.

Темой настоящего исследования выступает уже сложившееся и имеющее немалые, но в то же время, можно сказать, в достаточной мере все ещё «разбросанные» достижения, направление изучения языка, связанное с разграничением (или различением) его знаковых и символических составляющих. Задача же данной статьи состоит в осуществлении своеобразного поворота в рассмотрении этой проблематики от плоскости описательной, оценочной и чисто теоретической, в которой оно по преимуществу сейчас находится, в сторону методологии. Последнее в нашем случае означает, по меньшей мере, попытку сформулировать такие представления, нормы, принципы и т. п., с помощью которых могла бы подвергаться известной рационализации сама языковая практика, что, на наш взгляд, открывает значительные и самые разнообразные перспективы.

Определённую часть средств общения составляет язык. К нему в широком смысле можно относить любые материальные элементы, их совокупность или систему, применяемые в связи с объективацией и последующим распредмечиванием некоторого духовного содержания. Применительно к различного рода видам специализированного общения можно выделить, по меньшей мере, три различных и в достаточной степени обособленных друг от друга сферы языка, основываясь при этом на различиях того содержания, для выражения которого они используются:

- 1) язык, относящийся к специальным, предметным знаниям;
- 2) язык методологической рефлексии, который, естественно, используется и в связи с коммуницированием образований сознания,

отображающих регулятивы мышления;

3) язык, связанный с организацией и управлением соответствующим взаимодействием.

Другую часть средств общения образуют определённые интеллектуальные технологии, совокупности или системы духовных операций, связанные с использованием языка. Применительно к общению как виду межсубъектного взаимодействия эти совокупности операций можно, например, совершенно естественным образом специфицировать, апеллируя к различию ролей, которые выполняют его участники. Доведя эту спецификацию до предельного противопоставления, можно сказать, что существует, с одной стороны, методология выражения или объективации коммуницируемого содержания, с другой – методология осмысления или понимания его. Между этими методологиями имеются тесные и достаточно сложные взаимосвязи, которые могли бы стать предметом специального исследования, но они в данном случае могли бы быть интересны лишь как пример, показывающий возможность существования фундаментальных различий в рамках определённой сферы реальности. В некоторых условиях в связи с подобными системами операций имеет смысл производить спецификации и по другим основаниям. Последние, правда, могут оказаться не столь очевидными, как имеет место в приведенном нами примере, и их усмотрение может потребовать известных усилий, но в таких случаях, по-видимому, в первую очередь следует принимать во внимание фактор существенности, то, в какой мере эти основания обуславливают соответствующую деятельность.

В рамках рассматриваемых видов общения заметные различия в способах функционирования имеют место между языком методологической рефлексии и языком, относящимся к уровню предметных знаний. Особенно существенны они в тех случаях, когда содержанием последнего являются естественнонаучные или технические знания, а также некоторые другие, близкие к ним по характеру методологической организации. Поскольку эти языки используются в сфере одного и того же коммуникативного взаимодействия, стандарты оперирования, относящиеся к каждому из его уровней, могут в той или иной мере распространяться на другие. Происходит это в основном стихийно или на базе неадекватных методологических представлений. В условиях профессионального и многих других видов общения приоритет в этом процессе, как правило, принадлежит уровню предметных знаний. В связи с этим, в частности, возникают определённые деформации той интеллектуальной технологии, которая характеризует методологическую рефлексиию и отвечающий ей уровень коммуникации. Точнее, может быть,

было бы сказать, что подобная сциентизация методологической компоненты мышления просто не даёт во многих случаях последнему развиваться [6, с. 17–25].

Чтобы этого не происходило и каждый из уровней общения функционировал нормально, необходима достаточно глубокая и систематическая их дифференциация, учитывающая методологическую специфику каждого из них, а также характер тех взаимосвязей, которые между ними естественным образом складываются. Рассмотрим в этой связи некоторые особенности функционирования языка на указанных уровнях, акцентируя внимание на тех моментах, которые являются источником наибольших сложностей в организации общения. Следуя при этом одному из принятых в литературе употреблений соответствующих терминов, оперирование с языком, характерное для предметного уровня общения, мы будем называть **знаковым**, а уровня методологической рефлексии – **символическим**.

Отметим здесь же, что в весьма обширной литературе, посвященной проблемам теории языка или в той или иной мере затрагивающей их, термин «символ» употребляется в различных смыслах. Однако в целом спектр этих значений распределяется между полным отождествлением символа и знака до радикального их противопоставления. Мы в данном случае будем придерживаться точки зрения, близкой к последнему.

Отличие символического языка от знакового определяется, прежде всего, спецификой способов функционирования языков в рамках той или иной деятельности. Каждый из этих способов детерминируется, с одной стороны, совокупностью объективных условий, в которых осуществляется соответствующая духовная деятельность, с другой – своеобразием применяемой в рамках этой деятельности парадигмы. Последняя предполагает наличие некоторого образца (модели) использования языка или оперирования с ним и тех идеальных субъективных средств, которые обеспечивают его воспроизводство. Использование той или другой парадигмы может зависеть в определенной мере от субъективных намерений, обуславливаться сознательным выбором или зависеть от других факторов, которые принято относить к субъективным. Другие обстоятельства, относящиеся к условиям осуществления деятельности, имеют относительно безусловный, иначе говоря, объективный характер. Очень важно, естественно, чтобы эти предпосылки соответствовали друг другу. Этому может способствовать, в частности, знание условий и границ возможного применения каждой из указанных парадигм.

Ситуация, специфичная для символического применения языка,

отличается тем, что она лишена одного из главных компонентов, обуславливающих его знаковое функционирование. В последнем случае язык всегда связан и систематически соотносится с некоторой объективно заданной предметностью. В естественнонаучном исследовании, для которого подобное использование языка нормативно задано и в рамках которого, можно сказать, оно особенно культивируется, всегда имеется некоторый фиксированный материальный объект, на который направлена познавательная деятельность, и язык, посредством которого объект осваивается. Цель такого рода исследования – получение истинного, точного, предельно конкретного в логическом смысле знания, выраженного в специальном языке. Для самого же языка как особого образования все это означает, что изменения, которые в нем происходят, постоянно обуславливаются его соотносительностью с независимо от него существующим внешним фактором. Если в языке появляются новообразования: вводятся термины, происходит их уточнение, устраняются неопределенности и т. п. – то при этом существенную роль играет процедурно оформленная практика оперирования с объектом. В естественнонаучном мышлении, как и в любом другом, помимо того, имеются также и невербальные компоненты – образы, представления, чувства – но они, как принято считать, относятся к вспомогательным, второстепенным элементам этого процесса.

Когда же указанный компонент, отвечающий идеалам естественнонаучного мышления, отсутствует в исследовательской деятельности или хотя бы начинает «исчезать» как что-то такое, что обладает реальной функциональной нагрузкой, то в ней кардинально меняются многие характеристики, в том числе и те, которые определяют условия существования языка. Соответственно этому должны модифицироваться правила оперирования с языком и изменяться методологические и другие требования, предъявляемые к нему. Однако такое «исчезновение» предмета может быть по своему характеру разным. В определенных случаях оно является результатом разрушения в силу каких-то причин предпосылок знакового функционирования языка, что может приводить, в частности, к заблуждениям.

Помимо этого, однако, существуют два вида продуктивного применения языка, при которых предпосылки предметности мышления в полном объеме отсутствуют, и это является для них нормой. Один из них связан с такими способами оперирования с языком, которые основываются только на законах его собственной организации. Можно назвать это **формальным** функционированием языка и выделить соответствующую парадигму. Подобное функционирование языка характерно, например, для математики. Но здесь мы это явление

рассматривать не будем, а обратимся ко второму виду указанного выше мышления, связанному с символическим применением языка.

Ситуация, определяющая символическое функционирование языка, предполагает наличие связи между ним и определенной «реальностью». Последнее отличает этот вид использования языка от формального, но сближает со знаковым. Однако соответствующие связи в случаях символического и знакового функционирования языков по своему характеру существенно различны. Это различие и дает основание говорить о беспредметности символического языка. Но чтобы раскрыть смысл этого выражения, придется снова обратиться к рассмотрению предпосылок, конституирующих предметное, или как его еще называют позитивное, мышление и соответствующее ему знаковое функционирование языка. Определим в предельно схематизированном виде те из них, которые имеют непосредственное отношение к нашей проблеме:

- мышление обуславливается некоторым фактором или реальностью, которая, в свою очередь, не зависит ни от каких его компонентов или характеристик;
- взаимодействие с этой реальностью организуется сознательно и имеет место соответствующая систематически осуществляемая и процедурно оформленная практика;
- результатом этого процесса и его целью является знание, то есть идеальный образ определенного объекта, обладающий характеристикой истинности и фиксированный посредством языка.

Применительно к знанию и языку все это, в частности, обуславливает наличие следующих моментов. Во-первых, предполагается, что объект познания обладает абсолютной независимостью и устойчивостью по отношению к любым характеристикам знаний о нем, которыми располагает соответствующий субъект. Знания могут быть истинными или ложными, доказанными или предположительными, полными или фрагментальными и т. д., однако, согласно установкам позитивного мышления, все это никак не может повлиять на природу исследуемого объекта. Практически тоже самое можно сказать и относительно характеристик языка. Во-вторых, в рамках этого мышления достигается адекватное – точное, конкретное и удостоверенное – воспроизведение познаваемого объекта. Онтологический постулат, лежащий в основе этой парадигмы, допускает возможность существования определенного тождества между знанием и языком, с одной стороны, и объектом – с другой. Соответствующий гносеологический постулат предполагает, пусть и с известными иногда оговорками, что возможно контролируемое установление того, когда такое

тождество имеет место, а также каковы его границы.

Эти моменты являются условиями, которые делают оправданной, осуществимой и эффективной весьма важную в методологическом плане процедуру **замещения**. Эта процедура в общем случае предполагает, что в рамках некоторых типов познавательной деятельности можно производить подстановку: вместо операций с реальными вещами осуществлять действия с определенными языковыми конструкциями (или их семантической основой), а полученные выводы, трактуемые буквально, переносить на соответствующие объекты, либо делать их основой построения релевантной чувственно-практической деятельности [9, с. 16–17]. Процедуру замещения мы здесь оговариваем особо, поскольку характер ее осуществления, то есть то, насколько она эвристически значима, эффективна, методологически осознана и контролируема, в рамках той или иной деятельности может служить также признаком, позволяющим распознавать знаковое функционирование языка.

Условия, определяющие последнее, не выполняются и в принципе не могут быть выполнены в случае его символического функционирования. Особенность символического языка заключается в том, что та реальность, которая с ним связана, в значительной мере сама обуславливается им. Язык теперь играет роль своеобразного «скелета» или «несущих опор», которые обрстая еще какой-то дополнительной «плотью» образуют саму эту реальность. Можно сказать, что язык оказывается частью соответствующей реальности, существенным образом определяющей целое. Развитие языка влечет изменения других аспектов этой реальности. Языковые конструкции теперь уже нельзя рассматривать как образ или модель чего-то, некоторого объекта. Правда, соответствующий элемент в них присутствует, но он здесь перестает быть главным, как это характерно для знаковой парадигмы. Существо языка теперь заключается в том, что он есть условие существования этого чего-то, а языковая деятельность оказывается вместе с тем процессом конструирования, создания и трансформации последнего. Соответственно, и процедура замещения здесь приобретает иной методологический статус. Формально она может быть выполнена во многих случаях, но если это делать, имея ввиду всю полноту ее существенных свойств, то соответствующие результаты будут вести, скорее, к деструктивным, чем к конструктивным последствиям.

В силу ряда обстоятельств, на которых мы здесь останавливаться не будем, между образованиями символического языка и связанной с ним реальностью всегда существует определенный «зазор», существенное несоответствие (последнее следует понимать в смысле корреспондентской теории истины). Существование этого «зазора» не вынужденное, оно, скорее, необходимо и неустранимо. Его наличие можно рассматривать как один из специфических признаков, характеризующих ситуацию

символического функционирования языка. Вместе с тем этот «зазор» не поддается строгому сознательному контролю, поэтому нельзя вносить соответствующие поправки при оперировании с языком, мысленно отбрасывать некоторую несущественную семантическую составляющую. Однако этот «зазор» компенсируется за счет расплывчатости и неопределенности, присущей модельным аспектам этого языка. От него, поэтому, не следует требовать строгости и других «совершенств», свойственных семиотическим образованиям, использующимся в качестве знаков. Применительно к символическому языку можно даже попытаться сформулировать некий аналог известного в физике принципа неопределенности. Можно сказать, что, чем более строгим и точным в формально-логическом смысле будут формулировки символического языка, тем меньше в них, как правило, будет истинности. Однако термин «истинность» при этом следует употреблять с известными оговорками, точнее было бы говорить об эффективности как некоторой интегральной характеристике, выражающей адекватность языковых построений ситуации использования языка в целом.

Вместе с тем разграничение, базирующееся на выделении признаков определенности или неопределенности, не может служить надежным основанием, позволяющим распознать соответствующий модус языковой деятельности. Метафоры и аналогии, например, могут встречаться также в ситуациях знакового и формального функционирования языка, но здесь они либо используются лишь в качестве некоторых вспомогательных средств, как правило, в эвристическом или коммуникативном плане, либо их присутствие свидетельствует о неразвитости определенных аспектов соответствующей деятельности. Нечто подобное можно сказать и о строгих по форме высказываниях, встречающихся в рамках символического языка. Все это говорит о том, что по собственным свойствам семиотических образований нельзя однозначно определить характер их функционирования, для этого необходим анализ того, что можно в данном случае называть ситуацией. Но зная специфику ситуации, следует действовать по правилам, отвечающим ее имманентным характеристикам.

Если теперь обратиться к проблеме понимания построений символического языка, то следует, прежде всего, сказать о невозможности их буквального распредмечивания, а в более широком плане – оперирования с ними по законам знаковой парадигмы. В принципе, канон знакового распредмечивания может быть во многих случаях осуществлен или, по крайней мере, имитирован, но это всегда приводит к существенным потерям в сфере действительного смысла соответствующих высказываний. Функциональная и культурная сущность символа не в том, что он нечто обозначает, а в том, что он сам есть в

некотором смысле бытие, и это бытие необходимо понять, реконструировать его бытийность, может быть, в других формах, но не теряя при этом главного в его содержании. В то же время реконструируя содержание символа нужно иметь в виду, что он есть часть некоторого целого, поэтому в самом процессе его постижения и в соответствующих результатах это целое определенным образом должно присутствовать.

Теперь необходимо как-то обозначить природу той реальности, с которой связано символическое применение языка. Эта реальность представляет собой сознание, точнее, его глубинные, фундаментальные, основополагающие структуры. Понимание символических высказываний и оперирование с ними по канонам, отвечающим ситуации, это вместе с тем процесс построения или модификации указанных структур, которые, в свою очередь, конституируют сознание в качестве некоторой формы и организуют в рамках соответствующего мышления определенное «пространство». Если последнее будет «заполнено», то мы получим предметное знание. То есть символическое применение языка, или, возможно, соответствующее движение дискурса, формирует своеобразные интеллектуальные (духовные, субъективные) пространства, которые в последующем могут быть заполнены «вещами», но сами в силу своей природы не должны опредмечиваться. Символический язык, таким образом, создает предпосылку для знакового функционирования языка. В этом заключается их основная взаимозависимость. Семиотические же образования, используемые в том или другом случае, могут быть как разными, так и одними и теми же, а иногда и просто похожими – это не так существенно. Однако плохая распознаваемость семиотических средств по их внешним характеристикам в связи с тем или иным использованием языка – одна из причин заблуждений в познании.

Невозможность буквального понимания символических выражений, то есть простого сведения их содержания к чисто предметным, эмпирическим значениям, подводит нас к еще одной характеристике символического применения языка, указанием на которую мы и закончим наше исследование. Между дискурсивным ходом мысли и изменениями той реальности, частью которой он является, всегда имеется, как мы уже говорили, некоторый «зазор», не поддающийся сознательной корректировке. Это обстоятельство компенсируется посредством неопределенности выражений, однако последняя не может быть безграничной – любой процесс обязан иметь свою «логику», иначе он будет неэффективным. В связи с этим существенным фактором, обуславливающим символическое применение языка, оказывается некоторое, назовем его так – интуитивное представление о той реальности, с которой это применение связано. Его можно также определить и как некоторое чувство целого. В свою очередь, это чувство

следует обязательно понимать в качестве определенной интенции, то есть не считать его просто состоянием сознания или переживанием, имеющим только известную «окраску» и интенсивность, но предполагать в нем наличие некоторого содержания: образа или модели чего-то. Помимо того, оно может также дополняться определенными образованиями сознания, имеющими наглядный характер, и даже в известных случаях – логическими построениями. Мы в данном случае не будем рассматривать проблему формирования указанного компонента мышления или пытаться выяснить природу интуиции, здесь важно зафиксировать его функциональное место в структуре мышления. Этот компонент последнего выступает в виде некоторой, можно сказать, квазипредметности символического языка. Элементы этого языка в процессе оперирования с ними постоянно соотносятся с указанным интуитивным представлением и благодаря этому уточняется их смысл. Поэтому содержание соответствующей квазипредметности в известном смысле оказывается важнее конкретного состава используемого языка, и к нему в первую очередь следует апеллировать в процессе понимания выражений, а не к их непосредственному, выявляемому за счет процедур логико-лингвистического анализа смыслу.

Проведенная здесь, хотя далеко и неполная, но все же, как нам представляется, методологически значимая сравнительная спецификация двух способов функционирования языковых образований, позволяет сделать вывод не только о том, что соответствующее разграничение имеет серьезные основания, но и о необходимости и реальной возможности проведения такого разграничения в строении и организации дискурса по меньшей мере тех видов общения, в которых адекватное понимание содержания сообщений имеет достаточно существенное значение.

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика, поэтика.– М., 1989.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности.– М., 1995.
3. Бунге М. Интуиция и наука.– М., 1967.
4. Лоренцер А. Археология психоанализа.– М., 1996.
5. Лукач Д. Своеобразие эстетического.– Т. 4.– М., 1987.
6. Рефлексивные процессы и творчество.– Новосибирск, 1990.
7. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике.– М., 1995.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла.– М., 1990.
9. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования.– М., 1964.
10. Яроцинский С. Дебюсси, импрессионизм и символизм.– М., 1978.